С.Г. Карпюк

ДВА ПАТРИОТИЗМА В «ИСТОРИИ» ФУКИДИДА*

В статье рассматривается дискуссия о патриотизме в сочинении Фукидида. Фукидид выдвинул немало аргументов в пользу традиционного полисного патриотизма, когда гражданин обязан при любых обстоятельствах сохранять верность своему отечеству. Очевидно, что сам Фукидид, как показывает и его поведение в изгнании, и детали текста его сочинения, сохранял верность Афинам и оставался лояльным афинским гражданином. Однако историк не мог не представить аргументы нового, «софистического», подхода к патриотизму, который нашел яркое выражение и в речи, и в самом поведении Алкивиада.

Ключевые слова: Фукидид, патриотизм, Афины, демократия, классическая Греция, античная историография, софисты.

Определение патриотизма, которое дают современные словари и энциклопедии, вполне подходит и для Греции V в. до н. э.: «Патриотизм – любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам»[1]. В современном понимании понятие «патриотизма» связано с национальными государствами, в античной же древности речь могла идти о патриотизме полисном. Понятно также, что у древнегреческого патриотизма были несколько иные коннотации: можно упомянуть хотя бы феномен «мидизма», отношение к которому после победы

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 07-01-00050а «Геродот и Фукидид: зарождение исторической науки в Древней Греции и специфика античного историзма». Автор выражает признательность Т.В. Кудрявцевой и Н.П. Гринцеру за ценные замечания.

© Карпюк С.Г., 2010

в Греко-персидских войнах приобрело явную «патриотическую» окраску[2]. Эту проблему можно даже искусственно усложнить: знаменитый американский историк Честер Старр высказал предположение о существовании особо «вредного» имперского афинского патриотизма, который ослаблял патриотизм отдельных полисов, «поддерживавший культурное разнообразие и жизнеспособность греческой цивилизации как единого целого»[3].

При первоначальном подходе к теме патриотизма в труде Фукидида постановка проблемы кажется очевидной: был ли Фукидид патриотом своего родного города либо патриотом всей Эллады, а точнее: каково соотношение патриотизма афинского и патриотизма общегреческого в сочинении историка. Но в том, что Фукидид в течение всей жизни, даже в изгнании, ощущал тесную связь с родным городом, никто из современных исследователей не сомневается. В качестве примера можно привести статью Питера Родса «Фукидид и история Афин» в вышедшем в 2006 г. «Brill's Companion to Thucydides»[4]. Статья эта привычно фундаментальная, взвешенная и информативная и никаких существенных (да, пожалуй, и несущественных) возражений не вызывает. В ней выражено общее представление о Фукидиде как о беспристрастном научном историке и умелом повествователе. Подчеркивается, что Фукидид принадлежал к афинской аристократической семье, которая имела интересы во Фракии. Возможно, его дедом был Фукидид, сын Мелесия, а прадедом – Мильтиад, сын Кимона. До 424/3 г., т. е. до исполнения им должности стратега, Фукидид не покидал Афины, имел определенный военный опыт, что, как и его связи во Фракии, способствовало избранию его стратегом. После изгнания из Афин он посещал разные греческие области и имел контакты с представителями Пелопоннесской стороны. Питер Родс заключает: «Перед нами – афинянин-аристократ, с сильными предпосылками (background) для антиперикловых настроений, который, тем не менее, восхищался и самим Периклом, и руководимыми им афинской демократией и афинской империей (но не послеперикловой демократией и необузданными имперскими амбициями); человек, который служил Афинам как стратег, но чья стратегия привела к его высылке: он безусловно был включен в жизнь Афин (he was undoubtedly an engaged Athenian)». Следует отметить, что Питер Родс вполне сознательно уходит от вопроса о полисном патриотизме Фукидида,

возможно, считая либо ответ очевидным (трудно обвинить в антипатриотизме изгнанника, который в конце концов вернулся в родной город и, возможно, нашел там свою смерть), либо сам вопрос некорректным.

Можно привести также мнение отечественного антиковеда Э.Д. Фролова: «Афинянин родом, сохранивший лояльное отношение к своему отечеству и после изгнания, Фукидид тем не менее отдавал себе отчет в агрессивной сущности (πολυπραγμοσύνη) той политики, которую проводила правившая в Афинах демократия. Отрицательное отношение историка к пагубной политике такого рода не требует доказательств»[5]. Патриотизм Фукидида подтверждает и его возвращение в Афины в последние годы жизни: Павсаний в «Описании Эллады» (I, 23, 9) сообщает, что историк погиб в Афинах насильственной смертью после возвращения; поздние античные биографы высказывали предположение, что после окончания Пелопоннесской войны Фукидид все же вернулся в Афины, где и умер, и был похоронен (*Marcell*. Vita Thuc. 32–33; *Anonym*. Vita Thuc. 8–10).

Попытаемся рассмотреть те места труда Фукидида, которые могут прямо или косвенно свидетельствовать о патриотизме (или антипатриотизме историка). И в начале своего труда (I, 1), и в так называемом «повторном вступлении» (V, 26) историк называет себя афинянином (Θουκυδίδης Ἀθηναῖος). Обычно (и совершенно справедливо) подчеркивается, что историк называл имя своего города именно потому, что обращался ко всем грекам. Но в этом можно усмотреть также проявление полисного патриотизма, подчеркивание того, что Фукидид считал себя афинским гражданином и в изгнании. Можно сопоставить это с «плавающей» идентификацией его предшественника, Геродота (галикарнасец/фуриец), которая, вероятно, отмечала смену гражданства «отцом истории»[6].

Впрочем совсем не случайно с этой полисной, афинской самоидентификацией Фукидида соседствует манифест эллиноцентризма, если не общегреческого патриотизма: «И в самом деле, эта война вызвала величайшее движение среди греков и части варваров и, можно сказать, среди большинства людей» (ἐπὶ πλεῖστον ἀνθρώπων) – I, 1, 2)[7]. То есть именно Греция считается «центром» человечества. И именно после этого следует знаменитая фукидидовская «Археология» – описание истории всей Греции, а не только Афин.

Фукидид, вероятно, гордился автохтонностью афинян: «В Аттике же при скудости почвы очень долго не было гражданских междоусобиц, и в этой стране всегда жило одно и то же население» (I, 2, 5). Само представление об автохтонности афинян формируется, очевидно, в середине V в. до н. э. До этого превалировала «ионийская парадигма»: афиняне – древнейшие из ионийцев[8]. Однако в ходе и после Греко-персидских войн, в результате подчинения ионийских полисов власти Афин[9], на первый план выходит представление об автохтонности афинян, т. е. о том, что они всегда занимали территорию Аттики (*Herod*. VII, 163, 3; *Thuc*. II, 36, 1).

Фукидид подчеркивал, что привычный образ жизни для афинян – жить на своих полях, т. е. наиболее соответствовавший достоинству гражданина; от подобного образа жизни они вынуждены были временно отказаться лишь в начале Пелопоннесской войны (II, 14–16). Историк специально выделял роль Аттики в обзоре ранней истории Греции: при описании греческих обычаев носить оружие и одежду афиняне упоминаются наряду с другими греками (I, 6), но Фукидид специально отмечает, что именно афиняне раньше других перестали носить оружие в мирное время[10] и перешли к более пышному образу жизни (I, 6, 3).

Гордость за родной город не мешала Фукидиду писать о заслугах других греков: так, историк охотно сообщает, что в Коринфе были построены первые в Греции триеры (I, 13, 2). Афины для Фукидида – один из греческих городов-государств: афинские тираны рассматриваются им в ряду других «старших» тиранов (I, 18, 1); как афиняне, так и другие греки имеют смутное представление о древних установлениях и обычаях, что демонстрируется на примере традиции о заговоре Гармодия и Аристогитона (I, 20, 1–3). Историк разделял внешний вид городов и их действительное значение, причем примером выбрал Спарту и Афины (I, 10, 1–3). Фукидид мог бы восхищаться красотой общественных зданий Афин и подчеркивать их уникальность, сопоставляя с величием родного города, но проявлял объективность. Взвешенно, без нажима на заслуги афинян, представлены заслуги афинян и спартанцев в Греко-персидских войнах (I, 18, 1–3). Описание хитрости Фемистокла, которая помогла афинянам восстановить стены родного города (I, 90–92), возможно, свидетельствует о гордости сметливостью афинского лидера.

Перечисление причин и описание начала Пелопоннесской войны ставит перед древним историком задачу «вычленения» истинных причин общегреческого конфликта, отделения их от «патриотической риторики». Речь афинских послов в Спарте (I, 73–75) – своеобразный манифест афинского полисного патриотизма; здесь (в отличие от I, 18) эмоционально подчеркиваются заслуги Афин в греко-персидских войнах, последовательно оправдываются действия Афин и восхваляются всевозможные заслуги афинян (I, 76–77). Однако до этого, в речи коринфских послов в Спарте, историк достаточно объективно сопоставляет афинян и спартанцев. Описание качеств афинян и спартанцев дается не оценочно (хороши они или плохи), а применительно к военно-политической ситуации (I, 70, 2–8). Никакого прямолинейного афинского патриотизма в данном пассаже найти невозможно. Тем не менее историк постоянно подчеркивает значение афинского могущества, афинской власти: истинный повод к началу Пелопоннесской войны – страх спартанцев перед растущим могуществом Афин (I, 23, 6); начать войну спартанцы решили из-за страха перед растущим могуществом афинян (φοβούμενοι τοὺς Ἀθηναίους μὴ ἐπὶ μεῖζον δυνηθῶσιν – I, 88); победа над персами рассматривается с точки зрения достижения могущества Афинами (I, 89). Фукидид отмечает, что власть афинян становится постепенно в тягость союзникам, их господство непопулярно; но союзники в подобном положении виноваты сами, потому что вызвались платить форос вместо посылки воинских контингентов (I, 99, 2).

Особое место в труде Фукидида занимает знаменитая надгробная речь Перикла (II, 35–46). Данная речь – вне зависимости от того, насколько точно историк передал слова самого Перикла[11], – не могла не быть манифестом афинского патриотизма, тем более что обладала вполне подходящим единством места (афинское кладбище Керамик), времени (конец военной кампании) и «истинного повода» (погребение афинских воинов). Со времени Греко-персидских войн (с конца 470-х годов) в Афинах складывается так называемый πάτριος νόμος – «отеческий закон», процедура публичного погребения павших воинов; ее инициатором, возможно, был Кимон. Она включала в себя как восхваление «доблестных мужей» (ἄνδρες γενόμενοι ἀγαθοί), так и сооружение надгробных памятников с обязательным перечислением имен всех павших

граждан; их имена были сгруппированы по филам. Подобные памятники располагались на афинском Керамике. Фукидид (II, 34, 5) называет их δημόσιον σῆμα, а Павсаний (I, 29, 4) – πᾶσι μνῆμα Ἀθηναίοις. Имена воинов перечислялись по филам: например, на сравнительно неплохо сохранившейся надписи 409 г. с именами 224 павших афинских воинов (IG I^3 1191) перечисление фил дается в следующем порядке: Эрехтеида, Эгеида, Пандионида, Леонтида (стела I), Акамантида, Энеида, Кекропида, Гиппотонтида (стела II), Эантида, Антиохида, иностранцы, дополнительный список павших из всех фил (стела III)[12].

Иногда надпись может содержать список потерь одной лишь только филы (Эрехтеиды – IG I^3 1147). «Отеческий закон», безусловно, был составной частью полисного «патриотического дискурса», патриотического воспитания афинских граждан. В научной литературе высказывалось предположение о том, что именно Кимон был инициатором перенесения аристократических обычаев на демократическую почву, так что афинский патриотизм имел аристократический оттенок[13].

В своей знаменитой речи Перикл перечисляет все то, чем афиняне могли гордиться, т. е. основания для афинского патриотизма:

– предки афинян – автохтоны, причем подчеркивается их доблесть (II, 36);

– достоинствами афинян являются почитание традиций, демократическое устройство, свобода и терпимость (II, 37);

– достойны восхищения и развлечения афинян, а также величие их города (II, 38);

– отношение к военному делу отличает афинян от спартанцев: «В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники»; однако не мешает воинской доблести афинян (II, 39);

– подчеркивается склонность афинян к искусствам и к наукам, не приводящая при этом к их изнеженности: «Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительства и предаемся наукам не в ущерб силе духа» (II, 40);

– «Одним словом, я утверждаю, что город наш – школа всей Эллады» (II, 41);

– могущество Афин очевидно, оно основано на героизме граждан (II, 41–43).

В речи Перикла были прославлены традиционные ценности афинского общества, τά πάτρια, как их понимал Фукидид, ценности, которые оказались если не утраченными, то размытыми впоследствии. Стоит отметить, что «последняя черта» «старых добрых» Афин оказалась поразительно близкой и хронологически, и текстуально: через три главы начинается описание чумы в Афинах (II, 47), когда патриотизм оказался бессилен: «Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли, прежде чем успеет достичь ее» (II, 53, 3). Взгляды Фукидида трудно отличить от воззрений самого Перикла; косвенные данные свидетельствуют о близости текста Фукидида к произнесенной речи: скорее всего мы имеем дело с выжимкой из того, что оратор действительно произнес[14]. Вообще возможны две основные точки зрения на отношение Фукидида к высказанным в речи идеям: 1) в надгробной речи нашла выражение близкая к воззрениям самого Фукидида концепция власти; 2) в ней выражено вполне искреннее суждение историка о великой мечте о господстве Афин в греческом мире, которую выдвигал Перикл. Во втором случае речь должна была быть составлена (либо окончательно отредактирована) Фукидидом после капитуляции Афин в 404 г.[15] В пользу второй точки зрения свидетельствует и последняя речь Перикла, в которой он призывал сограждан мужественно переносить тяготы войны, а также к возвращению к «отеческим» ценностям (II, 64, 2–3).

В положительном свете – как неотъемлемую часть афинского могущества – Фукидид представляет афинское владычество над другими греками (II, 64, 3). По мнению большинства исследователей, именно консерватизм и патриотизм Фукидида заставляли его поддерживать афинский империализм (I, 98, 4; 99, 2); и в этом он не был одинок: можно вспомнить хотя бы аристотелевское оправдание империи (*Arist*. Pol. VII, 1234b)[16]. Даже деятельность демагогов – преемников Перикла, – которая вызывала осуждение Фукидида, не могла поколебать его представления о величии Афин: «Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе), и самая значительная из них – морской поход в Сицилию» (II, 65, 11). Патриотизм не мешал Фукидиду объективно оценивать военные силы враждующих сторон: так, он отмечал, что спартанцы считались самыми храбрыми су-

хопутными войнами, «а афиняне как мореходы обладали самым мощным флотом в Элладе» (IV, 12, 3).

При описании событий, связанных с Сицилийской экспедицией, Фукидид не раз высказывал критическое отношение к согражданам: «О величине Сицилии и численности ее варварского населения большинство афинян не имели никакого представления и даже не подозревали, что предпринимают войну столь же тягостную, как Пелопоннесская» (VI, 1, 1). При этом мощь и величие Афин постоянно подчеркиваются, как, например, при описании проводов экспедиционного корпуса: «Чужеземцы и остальной народ собрались ради этого величественного зрелища, понимая, что дело идет о предприятии замечательном и превосходящем всякое воображение» (VI, 31, 1); «Этот поход стал знаменитым и возбуждал не меньше удивления смелостью предприятия и великолепием являемого зрелища, чем превосходством боевой мощи над врагом, против которого он шел» (VI, 31, 6).

Достаточно сложно рассмотреть с точки зрения патриотизма знаменитый «Мелосский диалог» (V, 85–113), хотя в заключении Фукидид как будто бы ясно отметил несправедливость действий афинян: «Мелосцам пришлось сдаться на милость победителей. Афиняне перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров...» (V, 116, 3–4). Взгляды исследователей на интерпретацию диалога расходятся диаметрально: по мнению одних, мелосцы – жертвы, и Фукидид выказывает к ним симпатию[17]; по мнению других, историк специально демонстрировал гуманизм афинян, которые стремились предотвратить кровопролитие[18]. Известный английский ученый и комментатор Фукидида Саймон Хорнблауэр считает, впрочем, что трудно реконструировать взгляды Фукидида по его речам, а из «мелосского диалога» ничего вообще нельзя извлечь относительно собственной позиции Фукидида[19]. Нужно все же отметить, что эта часть труда историка должна была нести некоторую «идеологическую» нагрузку. Фукидид привлек внимание к «мелосскому диалогу» его уникальной формой: это единственный диалог в его сочинении. В нем историк стремился избегать «шовинизма и крайнего патриотизма» и не выказал своего собственного мнения[20]. В целом афинский патриотизм Фукидида не противоречил патриотизму общегреческому, а скорее, дополнялся последним. Желая добра родному городу,

Фукидид скорбел о несчастьях других греческих городов: описание бед, обрушившихся на Микалесс, – тому пример (VII, 29–30). Таким образом, вопрос о патриотизме Фукидида можно, на первый взгляд, считать решенным.

Однако в эту понятную и плоскую картину афинского патриотизма историка, сдобренного некоторыми чертами патриотизма общегреческого, совершенно не вписывается речь Алкивиада в шестой книге «Истории» (VI, 89–92). Она вызывала наибольший интерес у исследователей середины XX в., когда вопрос о патриотизме Фукидида достаточно широко обсуждался историками, прежде всего – американскими. Очевидно, интерес к этой проблеме был вызван событиями Второй мировой войны, а впоследствии – периодом маккартизма в США, когда обвинения в антипатриотизме сыпались как из рога изобилия. Американский исследователь М.Н. Перси еще в 1940 г. стремился опровергнуть точку зрения о том, что древние греки классического периода были связаны с родным полисом узами патриотизма[21]. Полисный партикуляризм совсем не означал патриотизма. «Для греков города были местами социальных и экономических возможностей для ведения цивилизованной жизни, а не “отечеством”, требующим патриотической верности». Автор, как и многие исследователи этого периода, был убежден в том, что во времена Алкивиада греки идентифицировали себя с демократами или олигархами, и их лояльность распространялась на эти группировки, а не на полис в целом; к тому же после Греко-персидских войн греческие полисы постепенно избавлялись от ненависти друг к другу благодаря мощному чувству родства и общему противостоянию варварам[22]. Другой американский исследователь, А.-Х. Круст также считал, что «партийная лояльность» в классических Афинах была несовместима с полисным патриотизмом, что подтверждает как описание Фукидидом гражданской войны на Керкире (III, 82), так и поведение Алкивиада (IV, 27–28, 91–92)[23]. Исследователи этого периода справедливо отрицали применимость к древним грекам такого современного понятия, как «любовь к отечеству» (Vaterlandsliebe), верно подчеркивали, что полисный партикуляризм отличен от современного патриотизма. Однако они явно преувеличивали «партийную» составляющую в идеологии тогдашних греков[24], делали общие выводы из достаточно уникального поведения Алкивиада, который во многих отношениях опередил свою эпоху.

Итак, особый интерес для изучения афинского патриотизма представляет фукидидовское описание деятельности Алкивиада и оправдание последним своих поступков. Именно в уста Алкивиада историк вкладывает и выражение «истинный патриот» (φιλόπολις… ὀρθῶς), и общее понятие «патриотизм» (τό φιλόπολι) (VI, 92, 4). Современные историки часто описывают поступки и проступки Алкивиада, в том числе и его нелояльность к родному городу, в современных понятиях[25]. Но каково же было положение вещей с точки зрения самого Алкивиада? Алкивиад и его друзья бежали от афинского правосудия в Спарту (VI, 61, 4–7). И именно в Спарте, враждебной родному полису Алкивиада, в его речи перед спартанцами, которые воевали с афинянами, находит выражение неортодоксальная идея «алкивиадовского» патриотизма: «Надеюсь, никто из вас не отнесется ко мне с меньшим доверием из-за того, что я, когда-то считавшийся патриотом, теперь с ожесточением, вместе со злейшими врагами, иду против родины; надеюсь также, никто не заподозрит, будто мои слова объясняются ожесточением против Афин за мое изгнание оттуда. <…> Любви к своему государству я не чувствую в моем теперешнем положении; я чувствовал ее в то время, когда безопасно жил в государст ве (τό τε φιλόπολι οὐκ ἐν ᾧ ἀδικοῦμαι ἔχω ἀλλ᾽ ἐν ᾧ ἀσφαλῶς ἐπολιτεύθηνῆν). Да я и не думаю, что иду теперь против того государства, которое остается еще моим отечеством (ἐπὶ πατρίδα); напротив, я желаю возвратить себе отечество, которого нет у меня более» (*Thuc*. VI, 92, 2 и 4, перев. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелёва под ред. Э.Д. Фролова). И, резюмируя: «Истинный патриот (φιλόπολις οὗτος ὀρθῶς) – не тот, кто не идет против своего отечества, и тогда, когда несправедливо лишится его, а тот, кто из жажды иметь отечество, приложит все старания добыть его снова» (VI, 92, 4, перев. Мищенко–Жебелёва–Фролова). Таким образом, с точки зрения фукидидовского Алкивиада,

– патриотизм гражданина оправдан до тех пор, пока отечество обеспечивает осуществление его гражданских прав;

– когда полис совершает неправые действия по отношению к гражданину, последний волен отказаться от лояльности своему отечеству.

Был ли согласен Фукидид с доводами Алкивиада в свое оправдание? Насколько поведение Алкивиада было характерным для граж-

данина полиса? Конечно, для ответа на эти вопросы у нас есть только косвенные данные. С речью Алкивиада перекликается речь Перикла, но у Перикла понятие патриотизма получает совершенно другое наполнение. Успокаивая сограждан после второго вторжения пелопоннесских войск в Аттику и вспышки чумы, Перикл говорил: «Вы раздражены против меня, человека, который, я думаю, не хуже, чем кто-либо другой, понимает, как следует правильно решать государственные дела, и умеет разъяснять это другим, который любит родину (φιλόπολις) и стоит выше личной корысти» (II, 60, 5). Даже с первого взгляда очевидно, что патриотизм Перикла отличался от патриотизма Алкивиада. Уже в силу этого совершенно наивно смешивать мнение, какое высказывал Алкивиад, с точкой зрения самого историка.

Как уже было отмечено выше, из составленных Фукидидом речей нельзя выводить точку зрения самого историка. Напротив, он стремился столкнуть разные мнения, чтобы создать ситуацию выбора. Этот выбор был подготовлен ходом изложения в «Истории», но он все-таки был. Недаром современные исследователи говорят о некоторой «интерактивности» текста «Истории»[26]. Конечно, это преувеличение, но зерно истины есть и в подобном утверждении. «История» Фукидида – для обдумывания, не случайно она находится на переломе между «устной» и «письменной» культурой. Она – одна из первых «книг для чтения» в древней Греции.

Возможно, стоит обратить внимание на фукидидовское описание антагониста Алкивиада, Никия, чьи воззрения на патриотизм носили куда более традиционный характер. Этот осторожный полководец и расчетливый политик не заблуждался насчет своих сограждан, боялся облыжных обвинений со стороны демагогов, предпочитал пасть от руки врагов, чем быть казненным по приговору афинян, и в результате высказался против отвода афинских войск из Сицилии, что в конце концов привело к катастрофе (VII, 48, 3–4). В своей речи Никий призывает афинян и союзников, оказавшихся на грани гибели, сражаться за жизнь и родину (περί τε σωτηρίας καὶ πατρίδος). Увидеть родной город – такую почти несбыточную в тех обстоятельствах цель ставил Никий перед воинами (VII, 61, 1), и эта цель была понятна изгнаннику Фукидиду.

Итак, Фукидид, очевидно, не разделял взгляды удачливого полководца и циничного гражданина Алкивиада. И в пользу подобно-

го мнения говорит не только и не столько даже процитированный выше пассаж из речи Перикла. Безусловно, Перикл для Фукидида – идеал государственного деятеля, но в речах афинского лидера историк стремился прежде всего передать точку зрения самого Перикла. Более доказательными нам представляются «непредумышленные», пусть и косвенные, свидетельства отношения Фукидида к алкивиадовской концепции патриотизма. Подобное свидетельство мы находим в восьмой книге, которая не подверглась риторической обработке и, по всеобщему мнению, была написана в самом конце жизненного пути Фукидида. Во время гражданской смуты в период недолгого правления Четырехсот героическим можно признать поведение тезки историка: «Находившийся тут же Фукидид, афинский проксен из Фарсала, старался загородить путь отдельным лицам и громко взывал к ним не губить отечества (μὴ … ἀπολέσαι τὴν πατρίδα), когда неприятель подстерегает их вблизи» (VIII, 92, 8, перев. Мищенко–Жебелёва–Фролова). Здесь мы наблюдаем удивительный пример «патриотизма извне»: фарсалец, проксен и гражданин, очевидно, своего полиса, выступает как афинский патриот и призывает афинян не губить свое отечество. Не было ли здесь целенаправленной аллюзии на положение самого историка – истинного патриота Афин, находящегося в изгнании? Может быть, нормой для историка было поведение Фукидида из Фарсала – иноземца, стремящегося для спасения Афин не допустить раздора среди граждан, нежели Алкивиада, ставившего свои личные интересы и благополучие выше интересов гражданского коллектива?

Два патриотизма в повествовании Фукидида – это, с одной стороны, традиционный полисный патриотизм, с другой – патриотизм новомодный, «алкивиадовский». Но точка зрения Алкивиада на патриотизм отнюдь не была уникальной, и отголоски подобных воззрений мы находим в сочинениях авторов – современников Фукидида. Можно привести хотя бы цитаты из Еврипида (к сожалению, сохранившиеся только во фрагментах, и поэтому контекст нам неизвестен): «везде, где земля кормит, – отечество» (ὡς πανταχοῦ γε πατρὶς ἡ βόσκουσα γῆ – фр. 777); «весь воздух доступен орлу, и вся земля – отечество для храброго» (ἅπας μὲν ἀὴρ αἰετῷ περάσιμος, ἅπασα δὲ χθὼν ἀνδρὶ γενναίῳ πατρίς – фр. 1047). В «Плутосе» Аристофана Гермес восклицает: «Всякая страна отечество, где хорошо живется» (Πατρὶς γάρ ἐστι πᾶσ᾽ ἵν᾽ ἂν πράττῃ τις εὖ –

Aristoph. Plut. 1151). Характерно, что эта фраза вложена в уста Гермесу, которого поэт изображает беспринципным.

Персонаж речи Лисия говорил о патриотизме афинского гражданина вообще и члена Совета пятисот, в частности, следующее: «Я утверждаю, что быть членом Совета у нас имеет право быть только тот, кто, будучи гражданином, сверх того еще и желает быть им: для такого человека далеко не безразлично, благоденствует ли наше отечество или нет, потому что он считает для себя необходимым нести свою долю в его несчастиях, как он имеет ее и в его счастии. А кто хоть и родился гражданином, но держится убеждения, что всякая страна ему отечество, где он имеет средства к жизни (οἳ δὲ φύσει μὲν πολῖταί εἰσι, γνώμῃ δὲ χρώνται, ὡς πᾶσα γῆ πατρὶς αὐτοῖς ἐστιν, ἐν ᾗ ἂν τὰ ἐπιτήδεια ἔχωσιν), тот, несомненно, с легким сердцем пожертвует всеобщим благом и будет преследовать свою личную выгоду, потому что считает своим отечеством не государство, а богатство» (διὰ τὸ μὴ τὴν πόλιν, ἀλλὰ τὴν οὐσίαν πατρίδα αὐτοῖς ἡγεῖσθαι – *Lys*. XXXI, 5–6, перев. С.И. Соболевского).

Каково происхождение этих взглядов? Несомненно, их источником было учение софистов, платных учителей красноречия, которые проповедовали релятивизм, в том числе в этической сфере[27]. Влияние софистов на Фукидида не подлежит сомнению[28], хотя, конечно, из-за того, что мы почти не имеем в нашем распоряжении сочинений этих учителей красноречия, конкретные направления этого влияния проследить достаточно сложно.

Итак, кто же выступал против полисного патриотизма? Герои Еврипида, которому хорошо были известны идеи софистов; Гермес в аристофановском «Плутосе», которого комедиограф изображает беспринципным, подобно софистам; и, наконец, Алкивиад у Фукидида. Все эти персонажи – одного ряда, и в начале этого ряда – учение софистов. Фукидид тоже воспринял и переработал идеи софистов, безусловно воспользовался риторической составляющей их учения. Но он, будучи новатором в историописании, придерживался традиционных полисных ценностей, и лучшее тому подтверждение – случай с Фукидидом из Фарсала, описанный историком (кстати, случайно ли совпадение имен?).

В сочинении Фукидида содержится непрямая, но очевидная дискуссия о патриотизме. Несомненно, читателю предлагаются

в большом объеме аргументы в пользу традиционного полисного патриотизма, когда гражданин обязан при любых обстоятельствах сохранять верность своему отечеству. Очевидно, что сам Фукидид, как показывает и его поведение в изгнании, и детали текста его сочинения, сохранял верность Афинам и, несмотря на ненависть к демагогам, оставался лояльным афинским гражданином. Однако историк не мог не представить аргументы нового, «софистического», подхода к патриотизму, который нашел яркое выражение и в речи, и в самом поведении Алкивиада. Поведение Алкивиада было ярким, но отнюдь не уникальным. Высказывания Еврипида, Аристофана демонстрируют, что подобные идеи носились в воздухе. Они нередко проявлялись и в афинской действительности, о чем свидетельствует речь Лисия.

Существование различных политических группировок в полисе воспринималось Фукидидом как данность: так, например, историк без комментариев сообщает о сторонниках персов (οἱ μηδίσαντες) в Колофоне (III, 34, 1). Однако фукидидовское описание гражданской войны на Керкире (III, 81–83) показывает, что патриотизм, с точки зрения древнего историка, нормален, а разрушающий его стасис, основанный на борьбе группировок, – нет. С точки зрения Фукидида, полисный патриотизм должен стоять выше «партийных» принципов, и не случайно наиболее ответственные граждане заботятся об этом. Так, к примеру, Ферамена, Аристократа и других «умеренных» олигархов беспокоило, как бы отправленное втайне от большинства граждан посольство в Спарту не предало интересы Афин (VIII, 89, 2).

Полисный патриотизм в глазах греков классического периода был все же некой нормой, что, конечно же, не исключало отступлений от него. Жизнь и деятельность историка приходилась на период размывания традиционного полисного патриотизма, но для Фукидида, новатора-историка и традиционалиста-патриота, этическим идеалом оставался «традиционный» патриотизм Фукидида из Фарсала, а не изощренный «софистический патриотизм» Алкивиада. Традиционный патриотизм был ближе великому историку, однако в своем труде он представил и аргументацию его противников. В речи Алкивиада в шестой книге уже просматривается знаменитый принцип «ubi bene, ibi patria», но сам Фукидид своим отечеством, даже в изгнании, считал Афины.

Примечания

1 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 484. Можно привести и более конкретизированное определение: «Патриотизм – любовь к родине, привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям» (Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2000. С. 544).

2 О мидизме см.: *Рунг Э.В.* Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.

3 *Starr Ch.G.* Athens and Its Empire // CJ. 1987/1988. Vol. 83, № 2. P. 123.

4 *Rhodes P.* Thucydides and Athenian History // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. Leiden; Boston, 2006. P. 523. Автор подчеркивает, что прежде всего рассматривает прямые упоминания Фукидида об Афинах, однако обращает внимание и на описание событий в других полисах, когда Фукидид думал при этом об Афинах (Ibid. P. 524).

5 *Фролов Э.Д.* Фукидид и становление науки истории в античной Греции // Фукидид. История / Перев. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелёва под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999. С. 25.

6 Из последних работ по этой теме см.: *Суриков И.Е.* Первосвященник Клио (О Геродоте и его труде) // Геродот. История. М., 2004. С. 5–20; *Он же*. «История» Геродота как источник для Аристотеля // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. М., 2009. С. 314–318.

7 Здесь и далее – перевод Г.А. Стратановского, за исключением особо оговоренных случаев.

8 См.: *Hall J.M.* Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge; New York, 2000. P. 51–54.

9 Ср. речь Гермократа: «Стремление к выгодам простительно афинянам, и я упрекаю не тех, кто стремится к господству, а тех, кто слишком поспешно готов этому подчиниться» (IV, 60, 5).

10 Комментарий И.Е. Сурикова: «Здесь историк, конечно, просто хочет польстить своим землякам-афинянам. Вряд ли у него могли быть какие-то достоверные данные на этот счет» (Античная историческая мысль и историография: Практикум-хрестоматия / Авторы-составители А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2008. С. 60).

11 Впрочем, я склонен присоединиться к мнению тех исследователей, которые полагают, что Фукидид достаточно точно передал, если не текст, то смысл речи. Не случайно и у других авторов, например у автора Псевдо-Ксенофонтовой «Афинской политии», можно найти явные аллюзии на эту речь Перикла. См.: *Карпюк С.Г.* Политическая

география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 2. С. 27–40.

12 *Bradeen D.W*. Athenian Casualty Lists // Hesperia. 1964. Vol. 33, № 1. P. 47.

13 См. подробнее: *Clairmont C.W*. Patrios Nomos. Public Burial in Athens during Fifth and Fourth Centuries B.C. The Archaeological, Epigraphic-Literary and Historical Evidence. Pt I–II. Oxford, 1983 (British Archaeological Reports. International Series. Suppl. Vol. 161). Pt I. P. 13; *Ziolkowski J.E*. Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches at Athens. Salem, 1985; *Loraux N*. The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge, Mass., 1986.

14 «Перикл в Эпитафии – конечно же, творение Фукидида, но было бы экономным предположить, что его искусство шло от жизни» (*Bosworth A.B*. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // JHS. 2000. Vol. 120. P. 16).

15 *Pozzi D.S.* Thucydides II, 35–46: A Text of Power Ideology // CJ. 1983. Vol. 78, № 3. P. 222.

16 *Grant J.R*. Towards Knowing Thucydides // Phoenix. 1974. Vol. 28, № 1. P. 94.

17 *Romilly de J*. Thucydides and Athenian Imperialism. Oxford, 1963. P. 200.

18 *Bosworth A.B*. The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // JHS. 1993. Vol. 113. P. 32–34.

19 *Hornblower S*. Thucydides. London, 1987. P. 185.

20 *Morrison J.V*. Historical Lessons in the Melian Episode // TAPA. 2000. Vol. 130. P. 121–122, n. 8.

21 *Pursey N.M*. Alcibiades and τὸ φιλόπολι // HSCPh. 1940. Vol. 51. P. 215–231.

22 Ibid. P. 230–231.

23 *Chroust A.H*. Treason and Patriotism in Ancient Greece // Journal of the History of Ideas. 1954. Vol. 15, № 2. P. 282–283.

24 «Демократы, как и олигархи, любили свой город странной любовью: это была надежда господствовать в нем полностью и, если будет на то необходимость, уничтожить своих политических антагонистов» (Ibid. P. 287).

25 *Woodhead A.G*. Thucydides on the Nature of Power. Cambridge, Mass.; London, 1970. P. 165–166.

26 *Morrison J.V*. Reading Thucydides. Columbus, Ohio, 2006. P. 3.

27 *Bett R*. The Sophists and Relativism // Phronesis. 1989. № 2. P. 140.

28 См., например: *Фролов Э.Д*. Указ. соч. С. 15.

ВЕСТНИК РГГУ

№ 10 (53)/10

Научный журнал

Серия «Исторические науки»
История/Studia classica et mediaevalia
Кентавр/Centaurus
Studia classica et mediaevalia
№ 6

Москва 2010